

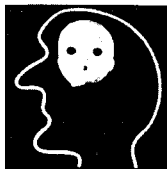
ИМПЛИЦИТНАЯ КУЛЬТУРА

© 2006

А.В. Шипилов

Проблематика культуры производства и быта мало привлекает отечественных культурологов: она попала в своего рода интер-парадигмальный зазор между старой “историей материальной культуры” и новой “культурой повседневности”. Концептуализация этого феномена, скорее всего, и вправду не сулит особого пиршества духа. И все же краткий концептуальный экскурс в область культуры производства и потребления может оказаться небесполезным. Поэтому попробуем взглянуть на некоторые привычные, и даже самоочевидные вещи в несколько неожиданной перспективе: в их отношении к диалектике одного и иного; единого и целого; бытия и сущего и к развитию в его спенсерианско-дюркгеймианско-тённисовском понимании. Именно в этом контексте антропологическое противопоставление культуры природе и методика последовательных дихотомий оказываются достаточно эвристичными.

Чтобы несколько освежить восприятие сферы труда и быта, полезно начать с самого начала — с пространственных дериватов, бинарных оппозиций, метода дихотомии. В соответствии с подобным подходом, культурную реальность можно подразделить, в числе прочего, на институты и артефакты. Первые представляют собой исторически определенные способы организации и функционирования культуры, ее квалитативность; вторые суть конкретное содержание последней, ее “чтойность”. Иными словами, институт есть социальная организация культуры, а артефакт — культурная формализация социума. Артефакт по определению не-природен — он социален. Отношение его к социуму двоякое: с одной стороны, артефакт содержится в социуме, с другой, — содержит социум в себе. В том случае, когда артефакт представляет собой культурное содержание социальной жизни, мы характеризуем его как имплицитный; в противоположном — как эксплицитный (социальное содержание культурной жизни). Совокупности тех и других образуют имплицитную и эксплицитную культуры.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Шипилов Андрей Васильевич — профессор Воронежского государственного педагогического университета. Постоянный автор журнала.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Имплицитная культура есть культура поддержания жизни, совокупность средств и способов выживания. Это первичный, бытийный модус социального. Она служит жизни — если вообще может быть дифференцирована от нее.

Имплицитную культуру, взятую как совокупность способов и результатов общественного самовоспроизводства, в свою очередь, можно подразделить на потребительскую и производственную.

Для поддержания своего биологического существования человек применяет сверхбиологические средства — естественным для него является искусственное. Поэтому производственная культура — совокупность артефактов орудийно-технологического характера — первичное и обязательное условие социального бытия человека. Она не самоцель, а средство для поддержания жизни, но одновременно и способ жизни, ее реализованная форма.

Орудийно-технологические комплексы можно расположить по шкале убывания — возрастания между идеальными пределами “чистой природы” и “чистой культуры”. При движении от первого ко второму природная обусловленность форм и способов производства будет снижаться, а социальная — возрастать; производства будет все меньше, а культуры все больше. От реалей, непосредственно необходимых для жизненного самовоспроизводства человека, мы будем переходить к разнообразным опосредованиям и посредникам.

Агропроизводственная культура отличается своей бытийностью, самой непосредственной зависимостью от природы: если Культура и противостоит Природе, то культуре аграрного производства эта оппозиция присуща в самых малых пределах. В сельском хозяйстве производитель использует те же силы, которые произвели его самого, и кто субъект, а кто объект в этой

взаимосвязи производства и произведения — еще вопрос. Культура традиционного аграрного производства являет картину неизменного превосходства потребностей жизни над возможностями мысли. Она далека от Культуры настолько, насколько это вообще возможно¹.

Впрочем, промысловая культура в этом отношении может даже превосходить агропроизводственную. Промысел — это вообще не производство, будь то аграрное или индустриальное; это такие виды трудовых операций, которые не составляют полного производственного цикла. Промысловая деятельность может быть ближе к “чистой природе”, чем сельское хозяйство, но всегда находится дальше от “чистой культуры”, чем промышленность. Любой промысел не самостоятелен ни с технологической, ни с хозяйственно-экономической точки зрения — это не столько субъект, сколько предикат производственной деятельности.

Следующее место на шкале “природа—культура” занимает ремесло: культура ремесленного производства меньше обусловлена природой и больше обусловлена социумом. Ремесленник не добывает сырье самостоятельно — он покупает его на рынке: сырьевой базис его производства вторичен по своей сущности. Крестьянин тоже порой обрабатывает сырье, которое получает в качестве продукта промысла или сельскохозяйственного производства, но для него стадия обработки вторична и финальна. Для ремесленника же эта стадия первична и начальна. Другое важнейшее отличие ремесла от промысла в том, что промысел — дело сезонное, а ремеслом занимаются круглый год: промысел всегда вторичное занятие для крестьянина, ремесло же для ремесленника первично. Сама возможность заниматься промыслом определяется особенностями сельскохозяйственного производства, его сезонной цикличностью: крестья-

Земледелие

Использованы иллюстрации из книги Яна Амоса Каменского “Мир чувственных вещей в картинках”. М., 1941.

Портной

¹ Подробнее см.: Штилов А.В. Иное города // Человек. 2006. № 1.

нин промышленяет потому, что не может в то или иное время (или в том или ином месте) заниматься сельским хозяйством. Сезонность промысла делает его оборотной стороной сельского хозяйства: он не оппонирует последнему, он его дополняет; это своего рода инобытие аграрного производства, второй лик крестьянского хозяйства. Ремесло же никак — ни положительно, ни отрицательно — независимо от сельского хозяйства с его аграрными циклами.

Ремесло свободно от природообусловленности сельского хозяйства не только в отношении времени, но и в отношении пространства. Крестьянин привязан к земле как средству производства, ремесленник — к рынку как месту сбыта. Поэтому ремесленное производство всегда более интегрировано в общественное хозяйство, оно выступает частью целого. Ремесло представляет собой такой уровень (и стадияльно-хронологический, и структурно-функциональный) общественного разделения труда, когда границы устанавливаются между отдельными видами производства, но еще не внутри самих производственных ячеек. Последнее осуществляется на следующей ступени — в мануфактурном производстве.

Мануфактура представляет собой высший уровень собственно производства в системе традиционной производственной культуры². Мануфактура более культурна, нежели жизненна: если сельское хозяйство или присваивающие промыслы — это абсолютный минимум необходимой для продолжения человеческой жизни производственной деятельности и существующий всегда и везде, где существует человек, то крупное промышленное производство — своего рода роскошь, возможная лишь на относительно высоком уровне развития социокультурного континуума. Важнейший отличительный признак мануфактуры — кооперация или интеграция труда отдельных специалистов: мануфактура — это целое частей. С другой стороны, мануфактура — часть целого: само ее существование обусловлено определенной степенью общественного разделения труда.

Крестьянин производит потребительские ценности сам для себя; ремесленник производит их сам — но для другого; мануфактурист производит их для другого — но не сам. В первом случае производитель и потребитель — одно и то же лицо; во втором случае потребитель отделяется от производителя; в третьем же случае сам производитель расщепляется на организатора и исполнителя (или на хозяина и работника, с точки зрения отношений собственности). Движение от единого к целому идет через дифференциацию и интеграцию, через качественное повышение степени структурированности производства. Крестьянин сам потребляет то, что произвел, и крестьянский двор представляет собой самодостаточную производственно-потребительскую монаду, базовый модуль экономики выживания. Ремесленник уже не может существовать без потребителя: здесь потребитель и производитель выживают на

пару и тем являют собой некую целостность, которая больше их самих. Но при этом ремесленник сам является и организатором, и исполнителем производственного процесса. Мануфактура еще больше связана с посторонним потребителем, чем ремесленная мастерская, однако мануфактурный производитель — не индивид, а коллектив, не человек, а организация. Если ремесленное производство предстает множеством единиц, то мануфактурное — единством множеств.

Такое единство обеспечивается торговлей. Собственно, торговля относится столько же к культуре производства, сколько и к культуре потребления; с другой стороны, и производство, и потребление сами относятся к торговле. Субъект и объект, предмет и его функция здесь то и дело меняются местами: если мы рассматриваем производство и потребление, то торговля выступает их простой соотносительностью; если же предметом рассмотрения становится сама торговля, то производными оказываются уже производство и потребление. В первом случае торговля предстает соотношением объектов, в последнем — предметом становится само это соотношение. Нас в данном случае интересует именно последний случай — торговля как первичная реалья, как самостоятельный артефакт имплицитной культуры.

От *arte* в этом артефакте едва ли не больше, чем от *factus*: торговля не-естественна, более того, ее искусственность — искусственность второго порядка. Это артефакт артефактов, их объективированная соотносительность. Торговля дальше от чистой природы и ближе к чистой культуре, нежели индустрия. И производить, и потреблять можно без всякой торговли, но никакая торговля невозможна без производства и потребления. Производность торговли есть знак ее причинной подчиненности, но одновременно и целевого превосходства. Торговля служит не простому самовоспроизводству общества, а его расширенному воспроизводству; она есть результат избытка. Но и недостатка тоже: продают то, что можно, покупают то, что нужно — торговец заполняет избытком производства недостаток потребления, координирует выступления первого с впадинами второго и тем самым обеспечивает надежное сцепление частей в целом.

Торговец — это человек особый: он не производит и не потребляет, он потребитель для производителя и производитель для потребителя. Он предстает своего рода материализованным различием производителя и потребителя, одним одного и одним иного. Можно сказать, что торговец — это одушевленная целостность социума. Превращая вещи в товары, он сравнивает несравнимое и сопоставляет несопоставимое, делает разнородные реалии однородными, находит общий знаменатель для чего угодно; становясь в его руках товаром, любая реалья приобретает как отличие от иной, так и сходство со всякой, превращается в модуль универсума, микрокосм макрокосма. Тор-

² В целях обобщения и упрощения мы берем для анализа именно традиционное, т.е. домашнее и, тем более, доинформационное производство.

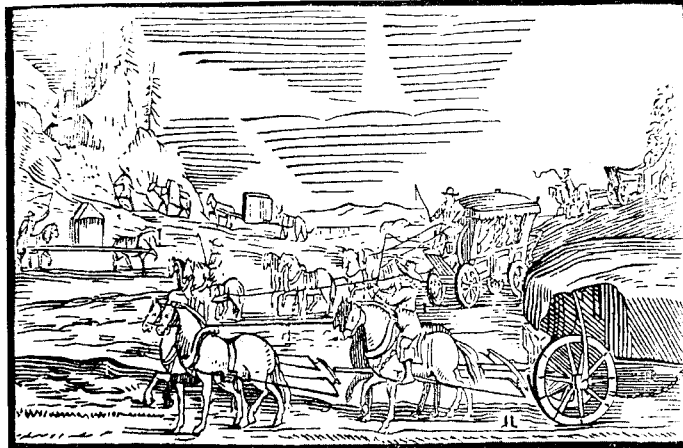

Торговля

говец — и производитель, и производное социальной целостности. Альтруист поневоле, он гонится за своей торговой прибылью, которая становится тем меньше, чем больше он развивает рынок; в поисках новых возможностей неэквивалентного обмена он расширяет горизонт экономической географии, но, подобно всякой линии горизонта, эта возможность вновь и вновь ускользает от него.

В этом бесконечном странствии посильную поддержку торговцу оказывает транспорт. Рассматривая различные виды производственной культуры, мы как бы поднимаемся из “подвала” чистой природы на “чердак” чистой культуры. И уже вобрались довольно высоко: транспорт — такой феномен культуры производства, в котором максимум культуры сочетается с минимумом производства. Действительно, что производит транспорт? Разумеется, в этой сфере общественного производства что-то создается — иначе данная реалья не имела бы никакого отношения к культуре; но создания весьма специфичны. Здесь создаются не вещи, а отношения между ними, реализуемые как их перемещения в пространстве. Транспорт надстраивается над непосредственным производством вещей в качестве возможно, но не обязательного элемента: мы имеем дело не с первичной, а с вторичной реальей.

Если же взглянуть на ситуацию не со стороны культурного производства (производства культуры), а со стороны производственной культуры (культуры производства), то транспорт из предиката превратится в субъект, а само производство обернется его предикатом: существование транспорта необходимо предполагает существование производства, и если последнее является причиной первого, то первое выступает целью последнего. Транспорт обеспечивает не столько производство, сколько потребление, а так как потребление является целью

Езда

производства, то и транспорт в этом отношении теряет причинную и приобретает целевую обусловленность.

Транспорт — абсолютно не природный, принципиально супер-биологичный и сверх-натуральный феномен: как еще можно охарактеризовать перемещение артефактов на артефактах по артефактам (транспортировку вещей по искусственным путям сообщения с помощью искусственных средств передвижения)? Не всякое перемещение в пространстве является транспортировкой: транспортируется вещь не перемещающаяся, а перемещаемая. Одно это уже делает ее артефактом, т.е. не природным, а культурным объектом. Транспортировка предполагает разделенность движущего и движущегося, источника движения и его объекта: именно такое соотношение является определяющим для транспорта как феномена культуры, в отличие от естественного движения как феномена природы. Она есть движение в пределе покоя, перемещение объекта от одного пункта стационарного местоположения до другого. Она начинается, чтобы закончиться, и чем быстрее это происходит, тем более эффективной можно считать работу транспорта. Собственно, движение здесь — необходимое зло, с которым идет непрерывная борьба, протекающая в форме постоянного роста скорости и грузоподъемности транспортных средств. Таким образом, транспортировка — это движение, стремящееся к покою.

Наконец, верхним пределом культуры производства как суммы артефактов, выступающих в качестве средства для поддержания или воспроизводства социальной жизни, является связь, т.е. совокупность средств передачи информации. Связь максимально приближена к идеальному миру чистой культуры. Сама по себе информация выступает верхним пределом реального, вещного мира, это снятая формальность реальности.

Предельная цель существования связи — обеспечить всем возможность получать сведения обо всем в режиме реального времени — точнее сказать, вовсе независимо от времени. Это некое направление бесконечного развития, реализация стремления бытия к сущему.

Реально же связь имеет дело не с чистой информацией, а с материализованной, воплощенной в пространстве и времени данности — сведениями о том, что произошло. Задача средств связи — передать с максимально возможной скоростью сведения от их “производителя” к потребителю. То, о чем человек не знает, для него не существует — а только бытийствует; нечто случившееся влияет на него, но если он не знает о том, что случилось, последнее для него тождественно чистому бытию, т.е. ничто. Переданное средствами связи сообщение формализует событие, возводя его в степень реально существующего. Соответственно, скорость передачи информации, обеспечиваемая средствами связи, выступает своего рода интенсификатором реальности — чем быстрее мы узнаем о происшедшем, тем быстрее эта флуктуация бытия обретает сущностную форму и становится реальным событием.

Социальные субъекты, не знающие о существовании друг друга, не являются частями целого, выступая лишь аддитивно соположенными сгустками единого; человек или группа не могут отличить себя от иного, не зная о существовании последнего, поэтому и не отличаются от него в густой пустоте, в неразличимой сплошности единого. Только знание друг о друге обеспечивает им реальное существование, ибо последнее всегда соотносительно: соответственно, передаваемая по каналам связи информация делает контрагентов частями некоего прервосходящего их целого, выступая залогом их взаимной реальности. В этом отношении связь — инструмент целого, способ взаимного полагания одним иного и иным одного. С помощью средств связи общество не только бытийствует, но и существует, не только живет, но и знает об этом. Потому связь и выступает верхним пределом производственной культуры: производство обеспечивает поддержание жизни, связь же существует не для, а благодаря этому жизнеспроизводству. Из всех феноменов производственной культуры связь наименее биотична, имеет минимальное отношение к жизни самой по себе; это нечто в высшей степени антиприродное, т.е. культурное. На лестнице форм производственной культуры связь представляет собой последнюю, высшую ступень. Собственно, связь настолько далеко отстоит от основной задачи, решению которой служит производственная культура — простого воспроизводства жизни, что системы связи создаются и используются прежде всего в политической, затем в коммерческой и только в последнюю очередь — в собственно производственной сфере. Связь нужна не для того, чтобы выживать, а для того, чтобы жить, и жить вполне определенным образом: потребность в по-

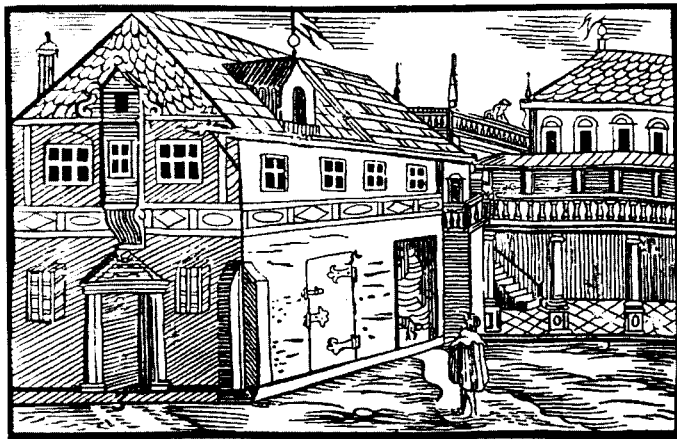
лучении информации возникает не раньше, чем удовлетворены иные, более жизненно-необходимые потребности.

Другая разновидность имплицитной культуры — потребительская культура — связана с культурой производства отношениями взаимопределения и корреляции. Объектами потребительской культуры, т.е. основными категориями искусственно изготовленных или обработанных предметов — артефактов, потребляемых человеком для поддержания и воспроизводства жизни, — являются пища, жилище и одежда. По степени необходимости первое место занимает пища. Добывание пищи является первичной необходимостью еще и потому, что ее употребление должно постоянно возобновляться через каждые несколько часов, максимум — дней: одежда используется в течении более продолжительного времени, а единожды построенное жилище может использоваться даже несколькими поколениями людей. В соответствии с принципом восхождения от идеального полюса чистой природы к идеальному полюсу чистой культуры, можно выстроить ряд: пища → одежда → жилище. Раз речь идет о потребительских ценностях, категориях объектов, так или иначе потребляемых человеком, нам следует взглянуть на характер взаимодействия субъекта и объекта потребления, и сделаем мы это снова в терминах единства и целостности с их коннотациями природы и культуры, понимая развитие как движение от первых к последним.

Попробуем с этой точки зрения и в этих терминах описать некоторые хорошо известные практики.

Потребляя пищу, человек тем самым подвергает ее структурному разрушению, само же усвоение пищи означает не что иное, как полное снятие различия, реальной противопоставленности субъекта и объекта потребления, слияние одного и иного в единое. Речь идет именно о едином, а не о целом, ибо никакого значимого различия между человеком и принимаемой им пищей не существует. Любая “инаковость” здесь может свидетельствовать только о нарушении нормального процесса, о болезни. Таким образом, из всех разновидностей потребительской культуры пища максимально бытийна/жизненна/природна: формальная структурность этой реалии явно уступает содержательной, жизнеобеспечительной материальности: для человека тот факт, что он ест, куда важнее того, что он ест — чтоиность не является здесь краеугольным камнем и сущностью определяется функцией.

Иной характер имеет потребление одежды. Одеваясь и/или обуваясь, человек не разрушает предметов одежды и обуви, не снимает взаимное отличие отдельных предметов одежды друг от друга и от себя самого. Потребление одежды имеет более четкую структуру, каждый ее элемент наделен только ему принадлежащей функцией. Человек и носимая им одежда (обувь), безусловно, различаются, но не до такой степени, чтобы можно

было говорить об оппозиции, снять которую предназначено целое. Конечно, моды в разное время и в разных местах бывали и бывают весьма странными, но до того, чтобы делать одежду изначально невозможной для ношения, дело все-таки не доходит. Одежда и, тем более, обувь, должны в той или иной степени соответствовать форме человеческого тела, хотя бы минимально или частично повторять его очертания. Более того, задача портного как раз и состоит в том, чтобы минимизировать пространственные несовпадения между одеждой и телом. Если человек ощущает себя отдельно от своей одежды, чувствует ее “инаковость” по отношению к себе, — значит, одежда плохо пошита. Потребитель и потребляемое здесь, конечно, не являются единым, как в случае приема пищи, однако некое тяготение к этому чувствуется. И тем не менее, одежда несомненно более интенсивно выражает сущность культуры в ее оппозиции природе: человек появляется на этот свет голым, а на тот свет отправляется одетым, так что одежда составляет разницу между человеком — биологическим индивидом, и человеком — носителем социальной роли и культурного опыта. Нагой человек пребывает в природе, одетый — в истории; замысловатое платье или набедренная повязка равно отличают человека от животного, так как любой искусственный покров по определению принадлежит культуре.

Наконец, потребление жилища характеризуется безусловным различием субъекта и объекта потребления. Структура и размеры жилища зависят от аналогичных параметров человека не так жестко, как в случае с одеждой. Пищу человек принимает вовнутрь, одежду надевает на себя, а живет он внутри дома, что определяет повышенную степень взаимной свободы субъекта и объекта потребления. Жилище есть специфически человеческий топос, микрокосм, структура которого изоморфна

и/или эквивалентна структуре космоса, т.е. разумной, логичной, сущной ипостаси реальности. В хаосе бытия человек выгораживает для себя внутреннее пространство, раздвигает вокруг себя бессмысленную, бесформенную, упругую сплошность жизнепроживания и благоустраивает отвоеванное пространство так, что в нем становится возможным жить по-человечески. Жилище представляет собой победу пространства над временем, статики над динамикой, определенности над неопределенностью. Возводя стену дома, человек дает реальности определенность, о-пределяет ее рукотворным пределом; жилище представляет собой модель разграниченного, упорядоченного, устроенного мира, чьи неизменные покоящиеся границы позволяют человеку свободно двигаться внутри этого устойчивого мира. Лишь у себя дома человек может быть собой: закрыв дверь изнутри, он отделяет мир от себя и себя от мира. Переступив порог, он определяет себя как одно, отличное от иного; внутри дома — свое и свои, снаружи — чужое и чужие. Собственно, благодаря жилищу человек и может отличать внутреннее от внешнего — жилище интроинтенционально. Жилище структурно, пространственно расчленено, и чем выше степень этой внутренней расчлененности, чем большей дробностью структурно-функциональной организации оно отличается, тем выше степень его системной целостности и ниже степень его унитивного единства. Жить по-человечески — значит жить в жилище, культурном, искусственно выстроенном локусе; жилой дом, жилище культурно в высшей степени.

Итак, имплицитная культура, понятийно охватывающая институционализированные артефакты производства и потребления, — это своего рода культура в ином. Если социальную жизнь морфологически уподобить жидкости, а артефакты культуры — твердому телу, то имплицитную культуру можно сравнить с насыщенным раствором, которому все же далеко до кристаллической структуры. Имплицитная культура суть вечный предикат, акциденция иных субстанций. Но именно она обеспечивает саму возможность существования культуры-в-себе-и-для-себя; ее предназначение служебное, но она достойно несет свою службу.